

Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта»

Радина Н.К.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского» (Университет Лобачевского, ННГУ),
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru**

Поршнев А.В.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>, e-mail: aporshnev@hse.ru**

Цель. На материале рассказов о столкновении с трудностями в детском и взрослом возрасте идентифицировать и охарактеризовать специфику нарративных стратегий при описании выбора сопротивления или подчинения.

Контекст и актуальность. В социальной психологии подчинение относится к классическим проблемам (эксперименты С. Аша, С. Милгрэма, Ф. Зимбардо, С. Московичи и др.). В качестве форм подчинения выделяют внушаемость, конформность, уступчивость, подчинение авторитету, которой проявляются в подчинении внутренним императивам; субъектам, наделенным властью; малой группе; а также ситуации. Наряду с конформностью как личностной характеристикой изучают подчинение, построенное на принятии роли и регуляции ролевого поведения. Ролевая детерминация подчинения позволяет рассматривать его как ключевое условие социализации. Сопротивление в психологических исследованиях представлено реже, что связывается с культурными стандартами и культурными приоритетами, влияющими на формирование направлений исследований.

Результаты. Группа интервьюируемых до 30 лет в области интерпретаций опыта подчинения-сопротивления обнаружила различия с более старшими интервьюируемыми в позициях, обусловленных решением возрастных задач (различия носят возрастной, а не поколенческий характер).

Основные выводы. В детстве формируется первоначальный опыт сопротивления как опыт сопротивления ровесникам и внутренним проблемам (например, совладание со страхом). Во взрослом возрасте стратегия подчинения стереотипизирована (истории о подчинении родителям), а стратегия сопротивления формирует относительно устойчивые сценарии (психологического и физического сопротивления) в отношении социальных трудностей.

Ключевые слова: подчинение, сопротивление, конформность, «поколение Z», цифровое поколение, Я-нарратив.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования студентов магистерской программы «Компьютерная лингвистика» НИУ ВШЭ (г. Нижний Новгород).

Для цитаты: Радина Н.К., Поршнев А.В. Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта» // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120310>

Strategies for (non) Resistance in Narratives about Facing Problems: Formation of a “Subordinate Subject”

Nadezhda K. Radina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Alexander V. Porshnev

National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>, e-mail: aporshnev@hse.ru

Objective. Identify strategies a formation of “subordinate subject” and analyzes the strategies of obedience and resistance in self-narrative about encountering difficulties in childhood and adulthood.

Background. Obedience refers to classical problems in social psychology (experiments by S. Asha, S. Milgram, F. Zimbardo, S. Moskovichi, etc.). Forms of obedience are suggestibility, conformity, pliability, submission to authority; these forms are manifested in submission to internal imperatives; to authority persons; to small group; as well as situations. Along with conformity as a personal characteristic researchers study obedience based on the adoption of the role and regulation of role behavior. Role basis of subordination allows us to consider obedience as a condition for socialization. Resistance in psychological research is less common, which is associated with cultural standards and cultural priorities that influence the formation of research areas.

Results. According to the results of the study, young people under 30 years have different interpretations than older interviewees, but differences are of an age rather than generational nature.

Conclusions. The results of the study allow us to suggest that strategies of resistance were form at the childhood while overcoming internal issues and conflicts with peers. In adulthood, the strategy of subordination are stereotyped (stories about obedience to parents), stable scenarios resistance were construct in area to social challenge.

Keywords: obedience, resistance, conformity, “generation Z”, digital generation, self-narrative.

Acknowledgements. The authors are grateful to students of the Master’s program “Computer Linguistics” at the Higher School of Economics (Nizhny Novgorod) for the help in collecting data for the study.

For citation: Radina N.K., Porshnev A.V. Strategies for (non) Resistance in Narratives about Facing Problems: Formation of a “Subordinate Subject”. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120310> (In Russ.).

Введение

В последние годы особенно часто в социальных исследованиях, посвященных поколенческим различиям, упоминается, что новое цифровое поколение («поколение Z», молодые люди, родившиеся с 1995 по 2010 годы) обладает особыми качествами: ориентировано на предпринимательство, творческую и свободолобие [19], настроено изменить

общество, но в то же время не склонно к риску [36], больше ожидает от будущего, чем прошлые поколения [28], активнее вовлечено в политику [35].

Более аналитичный и критичный психологический взгляд на данную проблему, укорененный в эмпирических исследованиях, сопряжен с развенчанием мифов о «цифровом поколении» [4]. А интерес молодежи к участию в проектах радикальной оппозиции в России

связывают с закономерностями возрастной психологии и стремлением к получению сильных ощущений [17].

Поиск объективных оснований динамики поколенческих и возрастных различий требует значительного количества эмпирических исследований, включая «качественные исследования» [20], позволяющие изнутри, из позиции респондента реконструировать видение и интерпретации изучаемой ситуации. Особый интерес может представлять именно «революционность» молодых: эмансипация, радикализм, свободолюбие, способность преодолевать трудности и сопротивляться внешнему давлению.

Цель данной статьи — на материале историй о столкновении с трудностями идентифицировать специфику «молодежной интерпретации» нарративных стратегий при описании выбора сопротивления или подчинения. Реконструируя способы осмысления опыта индивидуального сопротивления трудностям, сравнивая результаты возрастной группы до 30 лет с результатами более старших возрастных групп, предполагается ответить на вопрос о существовании особых показателей, позволяющих отнести группу молодежи к «новым» субъектам социального действия, способным активнее, чем прежние поколения, сопротивляться внешнему давлению в мыслях и действиях.

В психологии проблема подчинения относится к разряду классических, изучаемых как в формате диагностических исследований, так и экспериментов (наиболее известны эксперименты С. Аша, С. Милгрэма, Ф. Зимбардо, С. Московичи) [12; 22; 29; 30 и др.]. Подчиняются власти и влиянию, при этом понятия «власть» и «влияние» в психологии не являются синонимичными: влиянию подчиняются добровольно, а подчинение власти предполагает возможное использование про-

тив несогласных аппарата принуждения [12]. В качестве форм подчинения выделяют внушаемость (некритическое подчинение внешнему мнению), конформность (изменение поведения в ответ на давление большинства), уступчивость (готовность удовлетворять просьбы других), подчинение авторитету (выполнение указаний лиц, наделенных властью) и др. [22].

В то же время психологи, ориентированные на эмпирические исследования подчинения, ссылаются на неоднозначность в трактовке данного феномена и проблемы с операционализацией понятия [11; 14; 15 и др.], формулируя четыре основных «поля», «активирующих» подчинение индивида: подчинение внутренним императивам, подчинение субъектам, наделенным властью, подчинение малой группе, а также ситуации (объективным природным и/или социальным факторам) [15].

Наряду с конформностью как личностной характеристикой, обеспечивающей подчинение [7], в исследованиях изучают подчинение, построенное на принятии роли и на регуляции ролевого поведения, включая профессиональные регламенты и организационные иерархии [5]. Ролевая детерминация подчинения позволяет рассматривать его как ключевое требование социализации, зависимое от культуры властных отношений общества: если в процессе социализации культура предлагает преимущественно роли «подчиненные», то демонстрация подчинения может расцениваться как адаптированность, социализированность, успешная инкультурация.

Роль социализации в становлении властных отношений, включая принуждение и подчинение в родительской семье, — традиционная психоаналитическая тематика, присущая и современным исследованиям, использующим

идеи психоанализа. Так, Дж. Батлер в известной работе «Психика власти» характеризует становление «политического субъекта» именно через подчинение в родительской семье: «Хотя зависимость ребенка не является политической субординацией ни в каком обычном смысле, формирование первичной страсти в [связи с состоянием] зависимости делает ребенка уязвимым перед субординацией и эксплуатацией, — эта тема вошла в число аксиом современного политического дискурса» [3, с. 20]. По мнению Батлера, ребенок осваивает отношения с родителями, начиная с полюса «подчинение», то есть как «подчиненный субъект». Однако в психоанализе обсуждается не только подчинение в детско-родительских отношениях, но и сопротивление, поскольку только тот, кто может добровольно сказать «нет», может добровольно сказать «да» [2].

В то же время противоположный полюс подчинения — сопротивление — в психологических исследованиях представлен значительно реже [1; 32]. Сопротивление изучают:

- как способность к контрсуггестии (выстраивание внутренних барьеров, противодействующих внушению) [18];
- в контексте противостояния агрессии, насилию и давлению (как способность противостоять моббингу, буллингу и т.п.) [25; 27];
- в контексте противостояния инновациям и измерениям (как личностную ригидность) [9; 33];
- в контексте противостояния стрессу и другим негативным внешним воздействиям (сопротивление как проявление саморегуляции и как условие психологического здоровья) [24].

Очевидно, что под сопротивлением в исследованиях понимаются разные психологические феномены, требующие сопо-

ставления, соизмерения, дифференциации понятий и терминологической работы.

Относительно высокое внимание психологов к проблемам подчинения и конформизма и дистанцирование от подробного изучения сопротивления индивида (или группы), на наш взгляд, указывают на культурные стандарты и приоритеты, влияющие на формирование направлений исследований. Привычнее изучать подчинение (сформирован теоретический контекст, сложилось понятийное поле, проблема подчинения вписывается в содержание ряда научных мероприятий и т.д.), а феномен сопротивления в психологии взаимодействия оказывается более сложным для операционализации, теоретизирования и эмпирических исследований (кроме того, знание о сопротивлении, вероятно, менее востребовано научным сообществом и обществом в целом).

Материалы и методы

В качестве рабочего определения в данном исследовании использовалось понимание сопротивления как готовности в условиях конфликта («проблемы») сохранять свои установки и позиции, защищать их различными способами, способность действовать в своих интересах. Подчинение рассматривается как альтернатива сопротивлению (уступка, смирение, отказ от защиты своей позиции, демонстрация конформного поведения).

Общая теоретическая канва — социально-конструкционистская интерпретация индивидуального опыта личности [23]. Мы разделяем точку зрения, согласно которой истории о себе (я-нарративы) отражают социальные схемы и сценарии (в сознании респондентов), на основе которых происходит реализация поведен-

ческих практик нарратора. Это означает, что в свободном рассказе (интервью) интервьюируемый раскрывает интерпретативные матрицы, на которых строится его понимание социальной реальности, а в условиях неформализованных процедур интервьюирования (без подсказок и наводящих вопросов) интервьюируемый выдвигает на первый план актуальные сценарии, ключевые на данном этапе психосоциального развития. Исследовательский вопрос научной программы сосредоточен на описании характеристик нарративных стратегий, используемых молодежной частью выборки и теми, кто старше 30 лет, рассказывающих о подчинении или сопротивлении при столкновении с трудностями в детстве и в настоящее время.

В данном исследовании использовалось неструктурированное проблемно-ориентированное интервью (схожее с проективными техниками «Рассказывания историй» [6]), инструкция для которого звучала следующим образом: «Расскажите, пожалуйста, о Вашем опыте столкновения с трудностями в дошкольном или школьном детстве, а также самый яркий опыт столкновения с трудностями из Вашей взрослой жизни». Таким образом, каждый интервьюированный представлял по две истории.

Подобная инструкция учитывает роль детских воспоминаний в конституировании я-нарратива взрослой жизни, отраженных как в классическом психоанализе, так и в современной психологии [2; 21; 34]. Предполагалось, что интервьюируемые, для которых актуальна стратегия сопротивления трудностям, эту стратегию проецируют в свои рассказы. Тексты интервью были записаны и закодированы при помощи техники «закрытого кодирования» (кодировочный словарь сконструирован под цели

исследования), а на основе частотности кодов в текстах интервью был выполнен количественный анализ (таким образом, в исследовании использовались как качественная, так и количественная традиции в работе с данными: так называемая «смешанная методология»).

Выборка состояла из двух частей. «Молодежная» часть выборки включала 89 интервьюируемых (178 историй), рожденных на рубеже XX–XXI веков (до 30 лет). «Старшая» часть выборки состояла из 20 интервьюируемых (40 историй), возраст которых был старше 30 лет. Всего было собрано 218 историй. По гендерному признаку выборка уравновешена (среди «молодежной» подвыборки — 56% женщин, среди «старших» — 55%). Интервьюируемые имели высшее или незаконченное высшее образование и представляли разные области народного хозяйства (технические специальности — 36%, гуманитарные — 23%, другое (экономика, медицина и т.д.) — 41%).

Для сравнения частот встречаемости кодов в разных группах (младшие/старшие) был использован критерий Хи-квадрат, для выявления групп-описаний событий — иерархический кластерный анализ (модифицированный методом Варда, использовалось бинарное расстояние), сравнение историй проводилось на основе анализа бинарных корреляций. Вычисления проводились в программной среде R (использовался стандартный пакет stats, пакет polycor) [31].

Анализ собранных текстов проходил в 2 этапа. На первом этапе сравнивались интервью двух подвыборок (для выяснения различий между возрастными группами). На втором этапе реконструировались нарративные стратегии сопротивления на материале «молодежной» выборки, что обусловлено целями исследования.

Результаты

Собранные 218 историй (о столкновении с трудностями в детстве и во взрослом возрасте) были закодированы на основе разработанной кодировочной системы. Категории для кодирования были объединены в блоки, а именно: блок «Обстоятельства угрозы» (время, социальная ситуация, природа и стихия, объективный предметный мир, новая ситуация), блок «Субъект угрозы» («живой источник угрозы»: ровесники, родители, педагоги/работодатели, маргиналы, животные, я сам/а), блок «Источник угрозы» (неживой: случай, техника, болезнь, нарушение социальных правил), блок «Результат угрозы» (бегство, уход от проблемы; сопротивление физическое; сопротивление психологическое; подчинение; исход неясен; социальная компетентность; отказ от действий), блок «Чувства» (негативные и позитивные), блок «Размышления» (конкретика и философствования), блок «Внешняя помощь» (ровесники, родители, другие взрослые, случай, социальные правила и самопомощь) и блок «Качество опыта» (положительное и отрицательное) (см. таблицу).

Блок «Обстоятельства угрозы» оказался диагностичным с точки зрения определения возрастной принадлежности рассказчика. Статистически значимо чаще об угрозах, связанных с социальным окружением, рассказывала молодежь.

Например: «Первый инцидент, который я могу вспомнить — это заявление нянечки в детском саду о том, что она не будет мне давать еду (или наливать суп), так как я — “плохая девочка”. Я спокойно восприняла этот жест, пришла домой и рассказала маме. На следующий день нашей группе поставили новую нянечку. Проблема была в том, что моя мама была в родительском комитете, и на очеред-

ной праздник той высоко-педагогичной нянечке подарили подарок на сумму меньше, чем воспитательницам. Я была всего лишь неудачным средством манипулирования» (22 года, студентка, лингвист).

В то же время значимо чаще представители старших поколений рассказывали об угрожающих ситуациях, вызванных природой, стихией.

Например: «Ходили купаться в детстве, я еще маленькая была, в классе, наверное, четвертом училась. И мы прыгали с баржи. Аа-ах. Я так первый раз боялась туда прыгнуть. Все прыгали, и мне хотелось, но я так боялась. Вот мы встали на край баржи, прыгнули, и я погрузилась в эту пучину грязной мутной воды... Пузыри, пузыри, пузыри... И самое страшное для меня было всплыть не рядом с баржей, а под ней. Но — ничего, каждый раз прыгали подальше, чтобы течение не подбило под баржу. Но вот эти вот пузыри, пузыри, пузыри. Ты прыгаешь, и все время — глубже, глубже, глубже, а хочется наверх, наверх. Открываешь глаза и вот эта коричневая вода и пузыри, пузыри. Было страшно» (50 лет, женщина, финансы).

Другие обстоятельства угрозы (время, предметный мир и новая ситуация) примерно равнозначно представлены в нарративах о трудных ситуациях и не зависят от возрастных различий.

Блок «Субъекты угрозы» не содержит статистически значимых различий между изучаемыми группами. Незначимо чаще в рассказах молодежи встречаются представители маргинальных групп (местные подростки, девианты, «гопники», бомжи и т.п.).

Например: «Когда я был маленьким, мы с мамой пошли в магазин. На полке витрины я увидел игрушечную модельку Рэмбо, правда, я тогда даже не подозревал, кто это. Тогда для меня это был просто военный с большим автоматом.

Таблица

Трудности (опасности, угрозы) в рассказанных историях (%)

№	Блоки	Категории анализа	Выборка до 30 лет	Выборка старше 30 лет
I	Обстоятельства угрозы	Время	71	75
		Социальная ситуация	48*	20*
		Природа и стихия	7*	25*
		Предметный мир	11	15
		Новая ситуация	8	5
II	Субъект угрозы (живой источник угрозы)	Ровесники	20	20
		Родители	18	35
		Педагоги и работодатели	11	0
		Маргиналы	16	5
		Животные	9	20
		Я сам/а	9	15
III	Источник угрозы (неживой)	Случай	27	35
		Техника	4	5
		Болезнь	2	0
		Нарушение правил	1	5
IV	Результат угрозы	Бегство, уход от проблемы	20	5
		Сопrotивление физическое	24	15
		Сопrotивление психологическое	21	20
		Осознанное подчинение	17	20
		Итог/конец истории неясен	9***	40***
		Социальная компетентность	1	0
		Пассивное подчинение: недеяние	16	5
V	Чувства	Негативные чувства	55	60
		Позитивные чувства	8	20
VI	Размышления	«Жизнь научила»: конкретика	15	25
		Философствования	10	25
VII	Внешняя помощь	Ровесники	3	5
		Родители	23	5
		Другие взрослые	15	10
		Случай	5	10
		Социальные правила	1	0
		Самопомощь	11	15
VIII	Качество опыта	Скорее положительное	28**	60**
		Скорее отрицательное	38	20

Примечания. Указан % встречаемости от максимума для данной категории; значимые различия: * – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$, *** – $p < 0.001$.

Я долго упрашивал маму купить мне его, и в итоге она согласилась. Я был очень рад такому подарку и сразу же пошел играть с ним в песочнице. Но буквально через час ко мне подошла пара подростков, и игрушка была уже не моей. Моей печали не было границ» (22 года, мужчина, техническая сфера).

Более старшие интервьюируемые вспоминают ситуации, где им приходилось тяжело из-за притеснения со стороны родителей или из-за нападения животных.

Например: «Давление было постоянным: все-таки детство у меня прошло в тоталитарном государстве. Плюс детский сад, родители, задерганные бытом и работой. Но я это давление только сейчас осознаю, до этого мы, как глубоководные рыбы, воспринимали это бешеное давление как норму, не знали, что по-другому может быть. Из первых личных угроз: как-то овчарка на меня во время прогулки в детском саду набросилась — хотела то ли съесть, то ли поиграть. Произошло внезапно. Вышло, что долго боялся собак, потом прошло (улыбается)» (40 лет, мужчина, техническая сфера).

Блок «Неживой источник угрозы» не содержит каких-либо различий между изучаемыми группами. А блок «Результат угрозы» иллюстрирует в большей степени особенности построения рассказа. «Молодежная» подвыборка охотнее делает выводы в своих рассказах, а более старшие интервьюированные статистически значимо чаще оставляют «открытый конец».

Что касается результата угрозы (давления, трудности), необходимо подчеркнуть, что обе группы имеют практически одинаковые показатели и по подчинению, и по сопротивлению угрозе (как физическому, так и психологическому сопротивлению).

Например: «В детстве у меня был такой случай, когда кто-то позвонил в дверь и закрыл глазок, поэтому я не могла увидеть, кто пришел. Дома я была одна, а этот человек был очень настойчивый и долго звонил в дверь... Вот. Было очень страшно. Сначала я хотела позвонить 02, но потом просто приставила к двери 2 стула — и все» (20 лет, женщина, медицина).

Негативные чувства из-за угрожающей ситуации (блок V) обе изучаемые группы испытывали примерно в равных долях, а вот позитивные чувства незначимо чаще испытывали более старшие интервьюируемые (переосмысление прошлых травм в позитивном ключе).

Характер размышлений (блок VI) в воспоминаниях об угрозах у обеих групп примерно одинаковый. Что же касается внешней помощи в трудной ситуации (блок VII), младшие интервьюируемые незначимо чаще вспоминали в качестве помощников родителей. По остальным позициям (ровесники, другие взрослые и т.д.) у обеих групп показатели одинаковые.

В итоге качество «травмирующего опыта» (блок VIII) более старшие интервьюируемые достоверно чаще оценивают в позитивном ключе (негативная оценка у этой группы также ниже, но этот показатель статистически незначимый). Таким образом, характер организации истории, раскрывающей интерпретативные матрицы опыта, связанного с угрозой и сопротивлением, оказался схожим у изучаемых групп и отличным лишь по нескольким позициям в описании обстоятельств угрозы и оценок опыта.

«Молодежная» часть выборки сосредоточена на социальных ситуациях в описании трудностей, формулировала выводы («уроки») истории и амбивалентно оценивала опыт столкновения с трудностями. «Старшие» интервьюируемые чаще включали в обстоятельства угрозы

предметный, нечеловеческий мир, не давали однозначного итога и позитивно оценивали последствия опыта столкновения с трудностями. Принятие травматичного опыта «старшими» логично встраивается в логику возрастных различий групп. Но главное — не обнаружилось статистически значимых различий в историях у «старших» и «младших» интервьюируемых в ориентации на подчинение или сопротивление, что позволяет предположить индивидуальную логику существования данных феноменов.

Объем «молодежной» выборки позволил использовать более сложные стратегии количественного анализа на материале интервью, поэтому далее были идентифицированы типы (сценарии) историй об угрозах и сопротивлении, раскрывающие внутренние связи между категориями в текстах на основе кластерного анализа. На материале историй, рассказанных о трудностях и угрозах в детстве у интервьюируемых до 30 лет (89 историй), было выделено 5 кластеров, представляющих 5 типов нарративов/историй, а именно:

- оправдание социального эскапизма (категории «время», «социальная ситуация», «маргиналы», «бегство, уход от проблем», «негативные чувства», «отрицательный опыт») — вариант неосознанного подчинения;

- нарративы о помощи окружающих (категории «случай», «болезнь», «позитивные чувства», «другие взрослые» (помощь) — нарратив об ограничениях в контексте социально-психологической компетентности);

- нарративы о фактических угрозах (категории «объективный предметный мир», «автомобили и другая техника» (угроза), «жизнь научила» — нарратив об ограничениях в контексте психофизиологической компетентности);

- нарративы о подчинении (категории «новая ситуация», «родители» (угроза), «педагоги/работодатели» (угроза), «животные» (угроза), «Я сам/а» (угроза), «нарушение правил» (угроза), «подчинение», «отказ от действий», «философствования», «ровесники» (помощь), «родители» (помощь), «случай», «социальные правила»);

- нарративы о сопротивлении (категории «ровесники» (угроза), «сопротивление физическое», «сопротивление психологическое», «самопомощь», «положительный опыт»).

Детский травматичный опыт сформировал в «молодежной» подвыборке интерпретативную матрицу я-нарративов, которая объясняет «неотвратимость» угроз физического мира (повествования о фактических угрозах), содержит указания на источники помощи в трудных ситуациях (повествования о помощи окружающих) и показывает основные стратегии совладания с проблемой.

Подчинение в историях присутствует как в более осознанной, так и неотрефлексированной формах (бегство от проблем/эскапизм, помощь окружающих, внешняя/«нечеловеческая» угроза). Осознанно подчиняться интервьюируемые готовы авторитетам (родителям, педагогам), не сопротивляются и убегают от ровесников, несущих угрозу. В историях рассказы о подчинении оказались включенными в логику обстоятельств и рефлексии. Контекстом нарратива о подчинении оказываются социальные правила («нарушение правил» (0.24), «социальная ситуация» (0.23), «новая ситуация» (0.2)) и переживания относительно подчинения («негативные чувства» (0.29), «общие философствования» (0.25)). Все связи категорий положительные, но невыраженные или слабо-

выраженные¹. Подчинение в рассказах связано с новым опытом, проверкой границ и правил (тестирование) со стороны ребенка, поэтому подобную стратегию возможно считать «продуктивным подчинением», напрямую связанным с требованиями социализации.

Физическое сопротивление выступает как альтернатива ухода от проблем (-0.22) или альтернатива отказа от действий (-0.25). Физически активно сопротивляются угрозам от ровесников (0.23), но не сопротивляются родителям (-0.2). Таким образом, опыт сопротивления (как физического сопротивления) в историях из детства локализован в зонах общения с ровесниками: взрослому миру подчиняются (социализируются через подчинение), а силы для сопротивления проверяют на поле столкновения с ровесниками. Этот факт позволяет считать сферу общения с ровесниками социальным полем тренировки сопротивления.

Сильные корреляции в историях о детском опыте преимущественно объясняют подчинение. Так, столкновение с ровесниками-«маргиналами» вызывает стратегию бегства (0.63), принятие физической реальности (и подчинение ей) (0.36) связано с угрозами на дорогах («автомобили и техника»/«жизнь научила» (0.45), но в целом — непредсказуемо («природа, стихия»/«случай» (угроза) (0.44)).

Психологическое сопротивление связано со становлением внутреннего мира и тренировкой преодоления внутренних барьеров (например, страха) и, как правило, не возникает в ответ на проблемы в социальном контексте, связанные с социальной ситуацией (-0.35: сопротивляются, как правило, объектной угрозе).

Помощь в ситуации психологического сопротивления приходит от взрослых (0.22), но чаще — от самого себя (как самопомощь) (0.42: ставка на самопомощь в сопротивлении — наиболее сильная корреляция). В итоге психологическое сопротивление индивидом связано с положительной оценкой прошлого опыта (0.22). Наиболее выраженные (сильные) корреляции между категориями историй о трудностях и проблемах, с которыми интервьюированные столкнулись в детстве, представлены на рис. 1.

Истории о столкновении с трудностями в настоящем (во взрослом возрасте) у интервьюируемых до 30 лет (89 историй) содержали следующие типы (кластеризация дала 5 групп):

- нарративы о самопомощи (категории «социальная ситуация», «педагоги/работодатели» (угроза), «негативные чувства», «философствования», «самопомощь», «отрицательный опыт»);
- нарративы о подчинении (категории «природа и стихия», «родители» (угроза), «животные» (угроза), «случай» (помощь), «подчинение», «родители» (помощь), «другие взрослые» (помощь));
- нарративы о сопротивлении (категории «объективный предметный мир», «ровесники» (угроза), «маргиналы» (угроза), «техника» (угроза), «нарушение правил», «бегство, уход от проблем», «сопротивление физическое», «сопротивление психологическое», «жизнь научила», «ровесники» (помощь));
- нарративы о новых вызовах (категории «новая ситуация», «Я сам/а» (угроза), «исход неясен», «социальная компетентность», «позитивные чувства», «социальные правила» (помощь), «положительный опыт»);

¹ Значимая корреляционная связь $-0.25 < k > 0.25$.

- принятие неизбежного (категории «болезнь» (угроза), «отказ от действий», «случай» (помощь)).

К нарративам о подчинении (более и менее явным) были отнесены истории о самопомощи, подчинении и принятии неизбежного. К нарративам о сопротивлении — истории о сопротивлении и новых вызовах.

Необходимость самопомощи возникает в условиях социального давления со стороны вузовских педагогов или работодателей (0.39). Подчинение/сопротивление в данных историях не пробле-

матизируется, однако негативные чувства и отрицательная оценка опыта свидетельствуют о контексте подчинения, в данном случае — непродуктивного. К непродуктивному подчинению возможно отнести также истории о болезнях, истории о страхе и смирении перед «неизбежным».

Истории о подчинении из взрослого опыта повествуют о подчинении внешним угрозам («природа и стихия» (0.24)) и объективному миру (сильные корреляции: «объективный предметный мир»/«автомобили и другая техника» (0.39)/«случай» (помощь) (0.44)). В си-

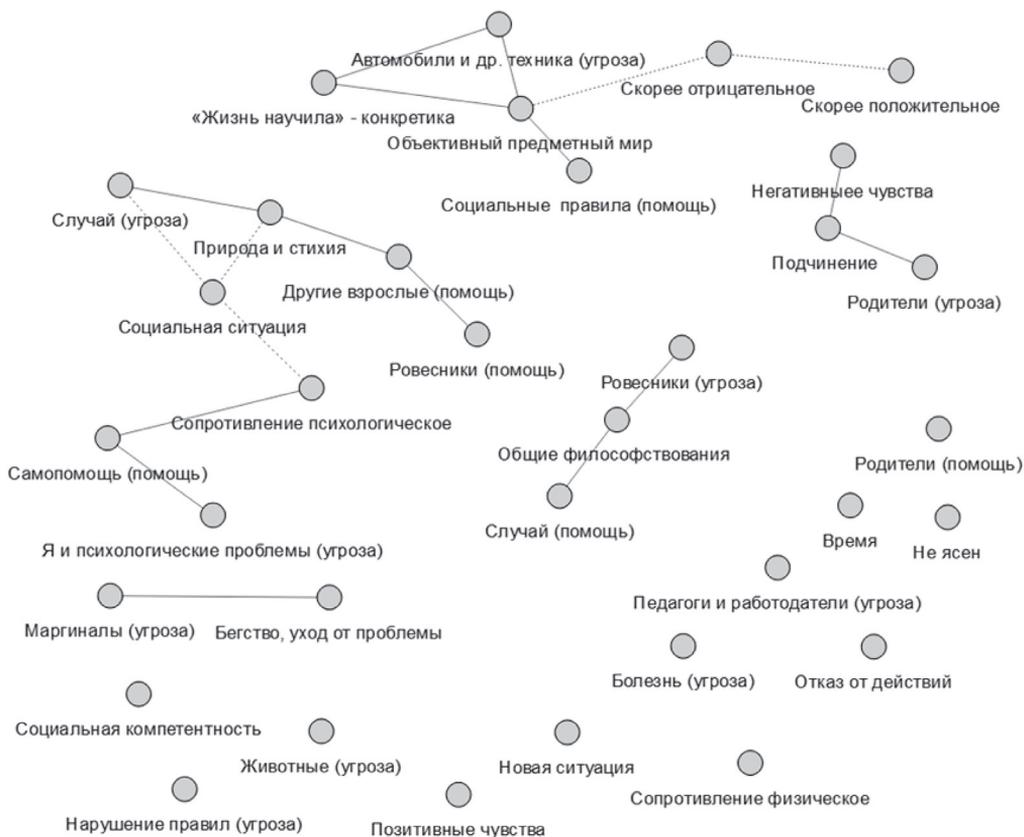


Рис. 1. Стратегии подчинения и сопротивления в детских воспоминаниях: сплошная линия — сильные положительные корреляции, пунктир — сильные отрицательные корреляции

туации отрефлексированного подчинения продуктивно используются ресурсы актуальных социальных сетей. Стратегия подчинения в повествованиях о взрослой жизни выглядит как инструментальная и рациональная, нестереотипизированная (у «подчинения» нет сильных связей в области социального, что может свидетельствовать об отсутствии выраженных (стереотипных) конфликтов) (рис. 2).

Наиболее значимыми с точки зрения чувств (амбивалентных — как позитивных, так и негативных) и положитель-

ного опыта в интервью являются истории о социальных задачах: в я-нарративе именно социальные задачи оказываются самыми продуктивными с точки зрения порождения устойчивых сценариев (связывающих эмоциональную и социальную сферы).

Истории о сопротивлении проблематизируют адаптированность и социализированность интервьюируемых, представляя в качестве угроз широкий круг обстоятельств взрослой жизни и противопоставляя угрозам ряд сформированных стратегий сопротивления (от

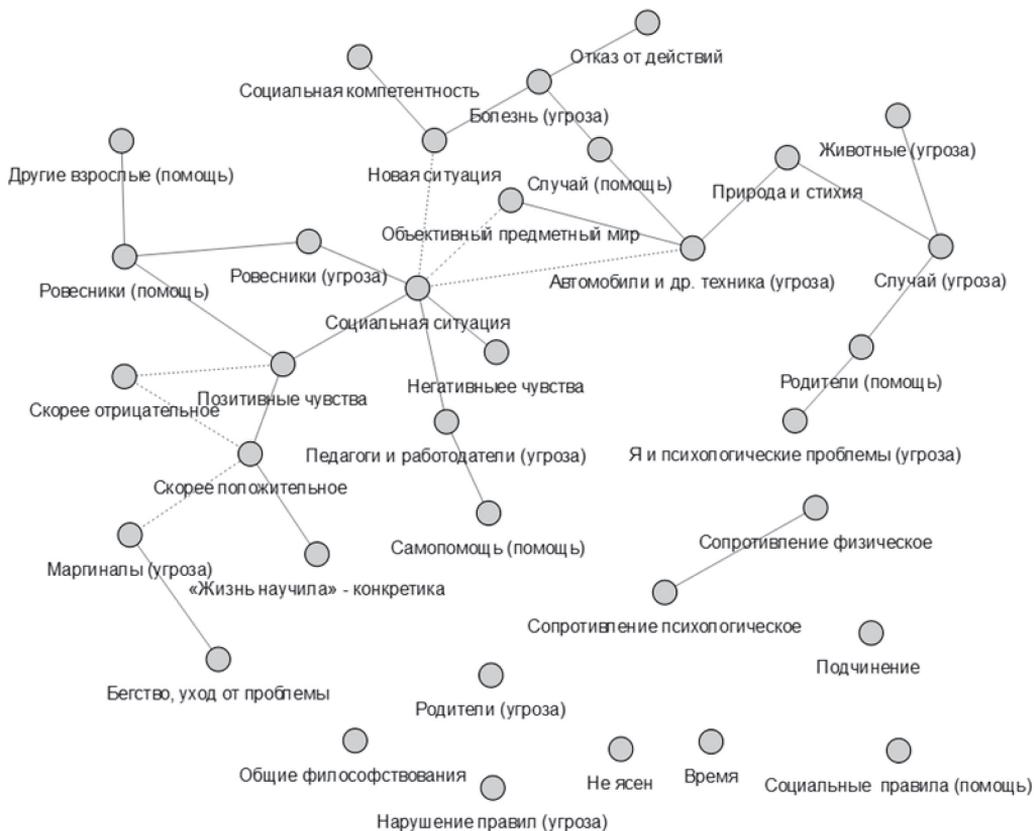


Рис. 2. Стратегии подчинения и сопротивления в историях из опыта взрослых: сплошная линия — сильные положительные корреляции, пунктир — сильные отрицательные корреляции

бегства до сопротивления). В историях о трудностях взрослых физическое и психологическое сопротивление оказываются связанными. Кроме того, категория «психологическое сопротивление» положительно связана с категориями «маргинальные ровесники» (угроза) (0.21), «знания о социальных правилах» (0.21), «уход от проблем» (-0.23) (то есть не убежание от проблем, их решение), «физическое сопротивление» (0.26).

Среди сильных корреляций — связь «социальной компетентности» с «новыми ситуациями» (0.35), использование самопомощи при угрозах от работодателей и вузовских педагогов (0.39), успешное разрешение конфликтов с ровесниками («социальная ситуация»/«ровесники» (угроза) (0.36), «ровесники» (угроза)/«ровесники» (помощь) (0.37), «ровесники» (помощь)/«позитивные чувства» (0.32)). В историях о сопротивлении (из взрослого опыта) сфера социального активнее используется как область для сопротивления и отстаивания своей точки зрения, своих позиций. При этом в конфликтных ситуациях сопротивляются ровесникам, используя также социальные сети ровесников, а работодателям и другим «старшим авторитетам» сопротивляются, опираясь на самопомощь.

Таким образом, стратегия сопротивления в контексте социализации оказывается не оппонирующей, а как бы «продолжающей» линию подчинения: продуктивное подчинение используется инструментально и относительно рационально для решения жизненных задач (непродуктивное — маркирует зоны поражения), а сопротивление используется (впрочем, как и подчинение) для демонстрации социализированности.

Обсуждение результатов

Разные исследования о социальной активности и выборе свободы новым «поколением Z» дают противоречивые данные. Как только публикуют результаты опросов молодежи относительно гражданской активности, авторы материалов констатируют апатичность и неактивность данной группы [16]. Но если тема формулируется в терминах «поколения Z» — актуализируется тематика особой политической субъектности поколения [35].

Сверхожидания от активности «цифрового поколения» в исследованиях, на наш взгляд, связаны со сверхожиданиями от цифровых технологий в целом. Понимание ограничений, которые сцеплены с цифровыми технологиями, позволяет более адекватно описывать и социальное поведение «цифровых людей». Так, согласно исследованиям, ресурс рекрутирования участников политических протестов через социальные сети оказался весьма ограниченным: цифровые сети не стали ключевым инструментом протестной мобилизации — для этого оказались необходимы «коллективные действия» [8]. Что же касается юного «цифрового поколения», фиксируется несамостоятельность их гражданской активности [10].

При этом, изучая протестную активность в России, исследователи опираются на фреймы И. Гофмана, которые учитывают не только личностные особенности активистов, но и обстоятельства активности (роль ситуации, внешних обстоятельств в формировании гражданского действия) [13]. Фреймирование в данном случае указывает на роль внешних детерминант в формировании протестного поведения, следовательно, также использует контекст подчинения, принятия обстоятельств («случайное протестное

поведение»). В целом же подчинение в политическом контексте на российском материале в исследованиях констатируется в традиционной интерпретации: если власть легитимна, ей подчиняются [26].

Исполнение своей «гражданской роли», становление «политического субъекта» начинается с социализации в семье — с подчинения. Освоив различные формы подчинения, включая принятие и удержание разных ролей, дети и подростки оказываются способными сопротивляться внешней воле и внешнему давлению. Психоаналитические интерпретации гражданской активности оказываются работающими и на российском социокультурном материале: становление субъекта сопротивления начинается со становления субъекта подчинения. Особую роль в становлении сопротивления, согласно результатам проведенного исследования, играют ровесники: первые опыты сопротивления и обучение сопротивлению начинаются во взаимодействии с ровесниками (социализуясь в обществе взрослых, ребенок в большей степени тренирует подчинение).

В этом возможно усмотреть специфику (и опасность) «цифрового общества», поскольку цифровые технологии депривуют социальную среду и обедняют социальный контекст, порождающий условия для обучения сопротивлению. Сопротивление — это не «нарушение правил» и неумение вести себя согласно роли или регламенту, это способность защитить свои физические и психологические границы (собственные правила), нуждающаяся в конструктивной тренировке.

Заключение

Проведенное исследование проблематизирует многогранную роль подчи-

нения в процессе социализации и инициирует исследовательскую дискуссию о вкладе сопротивления в социализацию на этапе «цифровизации социального». Негативная коннотация, сопровождающая подчинение, может быть переосмыслена и переоценена, поскольку подчинение играет важную роль в освоении социальных регламентов и правил. Умея подчиняться правилам, принимая правила, субъект подчинения в дальнейшем может оказать сопротивление, защищая свои правила (ценности).

В русле данного исследования не подтвердились данные об особой компетентности «цифрового поколения» в области сопротивления внешнему давлению. Молодежь до 30 лет в области интерпретаций опыта подчинения-сопротивления обнаружила различия с более старшими интервьюируемыми в позициях, связанных с решением возрастных задач (различия носят возрастной, а не поколенческий характер). В целом исследование показало непротиворечивость стратегий подчинения и сопротивления, что обеспечивает преемственность социальной жизни общества.

Согласно исследованию, в детстве складывается первоначальный опыт сопротивления как опыт сопротивления ровесникам (физическое сопротивление) и психологическое сопротивление внутренним проблемам/барьерам. В этом контексте подчинение выполняет функцию воспроизводства (социальных правил, ролей и т.д.), а сопротивление «тренирует» стойкость, которая в более взрослом возрасте может проявляться как способность к нарушению внешних правил и социальному творчеству. Социальным полем для тренировки сопротивления является круг ровесников, следовательно, изоляция от ровесников и тренировка ролевого поведения в среде исключительно взрослых

«работает» в большей мере на формирование стратегий подчинения.

Во взрослом возрасте подчинение относительно стереотипизировано в области отношений с родителями и при контакте с объектными и стихийными

обстоятельствами. Стратегия сопротивления формирует устойчивые сценарии (психологического и физического сопротивления) в отношении социальных конфликтов с ровесниками и авторитетными старшими.

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Горемыко М.В. Роль самокатегоризации в проявлении конформного поведения // Социальная психология и общество. 2012. Том 3. № 4. С. 30–40.
2. Бассиони К. Воспитание народоубийц. М.: Академия, 2001. 240 с.
3. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. 168 с.
4. Богачева Н.В., Сивак Е.В. Мифы о «поколении Z» // Современная аналитика образования. № 1(22). М.: НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
5. Будякова Т.П. Психологическая характеристика норм подчинения в рамках культурно-исторического анализа // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4. С. 89–95.
6. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев: Наукова думка, 1989. 200 с.
7. Васильева И.А. Внутригрупповая конформность: личностные и ситуационные факторы: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2005. 24 с.
8. Гельман В.Я. Трудное возрождение российской оппозиции // Pro et Contra. 2014. № 1–2. С. 106–123.
9. Голева Т.В. Преодоление сопротивления персонала организации инновационным изменениям: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Белгород, 2006. 26 с.
10. Ерпылева С. «Родители меня не отпускали»: протестная политизация подростков в деполитизированном обществе // Социология власти. 2013. № 4. С. 150–174.
11. Еришова Р.В. «Повинуемость» как предмет социально-психологического исследования (повторение эксперимента А. Поскоцила в России) // Современная экспериментальная психология: в 2-х т. Т. 2. / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2011. С. 417–427.
12. Зимбардо Ф., Ляйтте М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2011. 448 с.
13. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 688 с.
14. Князев Е.Б. Взаимосвязь социально-психологических характеристик личности и подчиняемости авторитету у субъектов межличностного взаимодействия: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Саратов, 2018. 24 с.
15. Куликович Т.О. Трактовка подчинения в психологии // Вестник БГУ. Серия 3. 2010. № 1. С. 52–58.
16. Петухов В.В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 56–62.
17. Пономарев Н.А., Белов С.И., Майлис А.А. Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 67. Апрель 2018 г. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/67_2018ponomarev_belov_mailis.htm (дата обращения: 16.06.2020).
18. Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история // История и психология / Под ред. Б.Г. Колбановского. М.: Наука, 1971. С. 7–35.

19. Пырра Р.В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 2(26). С. 43–50.
20. Радина Н.К. Жизненные сценарии женщин трех поколений современной России // Психология зрелости и старения. 2005. Т. 31. № 3. С. 48–66.
21. Сидоренко Е.В. Терапия и тренинг в концепции Альфреда Адлера. СПб.: Речь, 2002. 346 с.
22. Тернер Дж. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
23. Улановский А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 27–38.
24. Шагиев Р.М. Структурно-функциональные характеристики стрессоустойчивости в спортивной деятельности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2009. 25 с.
25. Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Залыгаева С.А. Гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 4. С. 62–71. DOI:10.17759/pse.2019240405
26. Шестопал Е.Б. Сдвиги в восприятии власти российскими гражданами в 2010-х гг. // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 52–64.
27. Ahmed E., Braithwaite V. Bullying and victimization: cause for concern for both families and schools // Social Psychology of Education. 2004. № 7. P. 35–54.
28. Beall G. 8 Key Differences between Gen Z and Millennials [Электронный ресурс] // Huffingtonpost, 2016. URL: https://www.huffingtonpost.com/george-beall/8-key-differences-between_b_12814200.html (дата обращения: 01.06.2020).
29. Blass T. Understanding Behavior in the Milgram Obedience Experiment: The Role of Personality, Situations, and Their Interactions // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol. 60. № 3. P. 398–413.
30. Burger J.M. Replicating Milgram: Would people still obey today? // American Psychologist. 2009. Vol. 64. № 1. P. 1–11.
31. Drasgow F. Polychoric and polyserial correlations // The Encyclopedia of Statistics / Ed. Kotz S., Johnson N. Vol. 7. Wiley, 1986. P. 68–74.
32. Haslam A., Reicher S.D. When prisoners take over the prison: A social psychology of resistance // Personality and Social Psychology Review. 2012. Vol. 16. № 2. P. 154–179.
33. Kleijnena M., Lee N., Wetzels M. An exploration of consumer resistance to innovation and its antecedents // Journal of Economic Psychology. 2009. № 30. P. 344–357.
34. Radina N. Men's Socialization and the History of Man's life: The Reproduction of Male Culture in the Individual Narrative // Social and Education History. 2019. Vol. 8. № 2. P. 119–144.
35. Ross A. Young Europeans: A New Political Generation? [Электронный ресурс] // Societies. 2018. Vol. 70. № 8. URL: <https://www.mdpi.com/2075-4698/8/3/70> (Accessed 16.06.2020).
36. Seemiller C., Grace M. Generation Z Goes to College. San Francisco: Jossey-Bass, 2016. 320 p.

References

1. Agadullina E.R., Goremyko M.V. Rol' samokategorizatsii v proyavlenii konformnogo povedeniya [The role of self-categorization in the manifestation of conformal behavior]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2012. Vol. 3, no 4, pp. 30–40. (In Russ.).
2. Bassiyuni K. Vospitanie narodoubiyts [The parenting of the murderers]. Moscow: Akademiya, 2001. 240 p. (In Russ.).
3. Batler Dzh. Psikhika vlasti: teorii sub"ektsii [The psyche of power: theories of sub-projection]. Khar'kov: Kharkov Center for Gender Studies; Saint-Petersburg: Aleteyya, 2002. 168 p. (In Russ.).
4. Bogacheva N.V., Sivak E.V. Mify o "pokolenii Z" [Myths about "Generation Z"]. *Sovremennaya analitika obrazovaniya = Modern education analytics*, 2019. Vol. 22, no. 1. Moscow: NIU VShE. 64 p. (In Russ.).
5. Budyakova T.P. Psikhologicheskaya harakteristika norm podchineniya v ramkakh kul'turno-istoricheskogo analiza [Psychological characteristics of submission standards in the framework of

- cultural-historical analysis]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural Historical Psychology*, 2015. Vol. 11, no 4, pp. 89–95. (In Russ.).
6. Burlachuk L.F., Morozov S.M. Slovar'-spravochnik po psikhologicheskoy diagnostike [Dictionary Dictionary of Psychological Diagnostics]. Kiev: Naukova dumka, 1989. 200 p. (In Russ.).
 7. konformnost': lichnostnye i situatsionnye faktory: Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Intra-group conformity: personality and situational factors. PhD (Philosophy) Thesis]. Saint-Petersburg, 2005. 24 p. (In Russ.).
 8. Gel'man V.Ya. Trudnoe vrozozhdenie rossiyskoy oppozitsii [The difficult revival of the Russian opposition]. *Pro et Contra*, 2014, no 1-2, pp. 106–123. (In Russ.).
 9. Goleva T.V. Preodolenie soprotivleniya personala organizatsii innovatsionnym izmeneniyam: Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Overcoming resistance of the organization's staff to innovative changes. PhD (Philosophy) Thesis]. Belgorod, 2006. 25 p. (In Russ.).
 10. Erpyleva S. "Roditeli menya ne otpuskali": protestnaya politizatsiya podrostkov v depolitizirovannom obschestve ["Parents did not let me go": protest politicization of adolescents in a depoliticized society]. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of power*, 2013, no. 4, pp. 150–174. (In Russ.).
 11. Ershova R.V. "Povinuemost'" kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya (povtorenie eksperimenta A. Poskotsila v Rossii) ["Obedience" as a subject of socio-psychological research (repetition of A. Poskocil's experiment in Russia)]. In Barabanshchikova V.A. (ed). *Sovremennaya eksperimental'naya psikhologiya: v 2 t. T. 2 [Modern experimental psychology: in 2 vol. Vol. 2]*. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2011, pp. 417–427. (In Russ.).
 12. Zimbardo F., Lyayppe M. Sotsial'noe vliyanie [Social impact]. Saint-Petersburg: Piter, 2011. 448 p. (In Russ.).
 13. Kleman K., Miryasova O., Demidov A. Ot obyateley k aktivistam: zarozhdayushchiesya sotsial'nye dvizheniya v sovremennoy Rossii [From laymen to activists: nascent social movements in modern Russia]. Moscow: Tri kvadrata, 2010. 688 p. (In Russ.).
 14. Knyazev E.B. Vzaimosvyaz' sotsial'no-psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti i podchinyaemosti avtoritetu u sub"ektov mezhlichnostnogo vzaimodeystviya. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [The relationship of socio-psychological characteristics of personality and subordination to authority in sub "objects of interpersonal interaction. PhD (Philosophy) Thesis]. Saratov, 2018. 24 p. (In Russ.).
 15. Kulinkovich T.O. Traktovka podchineniya v psikhologii [Interpretation of subordination in psychology]. *Vestnik BGU = Vestnik BSU*, 2010. Issue 3, no 1, pp. 52–58. (In Russ.).
 16. Petukhov V.V. Pokolenie "nulevykh": sotsial'nye nastroyeniya, ideologicheskie ustanovki i politicheskoe uchastie [The Generation of the Zero: Social Sentiment, Ideological Attitudes, and Political Participation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Policy. Policy research*, 2012, no 4, pp. 56–62. (In Russ.).
 17. Ponomarev N.A., Belov S.I., Maylis A.A. Protivodeystvie rostu vovlechnosti molodezhi v radikal'nyy politicheskyy protest (na materialakh massovykh vystupleniy 2017) [Elektronnyi resurs] [Countering the growth of youth involvement in a radical political protest (based on materials from mass demonstrations 2017)]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik [Public administration. Electronic messenger]*. 2018. Issue 67. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/67_2018ponomarev_belov_mailis.htm (Accessed 16.06.2020). (In Russ.).
 18. Porshnev B.F. Kontrsuggestiya i istoriya [Counter suggestion and history]. In Kolbanovskii B.G. (ed.). *Istoriya i psikhologiya*. Moscow: Nauka, 1971, pp. 7–35. (In Russ.).
 19. Pyrma R.V. Vosstanie "pokoleniya Z": novye politicheskie radikaly [The Rebellion of "Generation Z": New Political Radicals]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian sciences. Bulletin of the University of Finance*, 2017. Vol. 7, no. 2(26), pp. 43–50. (In Russ.).

20. Radina N.K. Zhiznennyye stsennariy zhenshchin trekh pokoleniy sovremennoy Rossii [Life scenarios of women of three generations of modern Russia]. *Psikhologiya zrelosti i stareniya = Psychology of Maturity and Aging*, 2005. Vol. 31, no. 3, pp. 48–66. (In Russ.).
21. Sidorenko E.V. Terapiya i trening v kontseptsii Al'freda Adlera [Therapy and training in the concept of Alfred Adler]. Saint-Petersburg: Rech', 2002. 346 p. (In Russ.).
22. Ternер Dzh. Sotsial'noe vliyaniye [Social impact]. Saint-Petersburg: Piter, 2003. 256 p.
23. Ulanovskiy A.M. Kachestvennaya metodologiya i konstruktivistskaya orientatsiya v psikhologii [Qualitative methodology and constructivist orientation in psychology]. *Voprosy psikhologii = Psychology Issues*, 2006, no. 3, pp. 27–38. (In Russ.).
24. Shagiev R.M. Strukturno-funktsional'nye kharakteristiki stressoustoychivosti v sportivnoy deyatel'nosti. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Structural and functional characteristics of stress resistance in sports. PhD (Philosophy) Thesis]. Yaroslavl', 2009. 25 p. (In Russ.).
25. Shalaginova K.S., Kulikova T.I., Zalygaeva S.A. Gendernye osobennosti bullinga v podrostkovom vozraste [Gender characteristics of bullying in adolescence]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no 4, pp. 62–71. DOI:10.17759/pse.2019240405 (In Russ.).
26. Shestopal E.B. Sdvigi v vospriyatii vlasti rossiyskimi grazhdanami v 2010-kh gg [Shifts in the perception of power by Russian citizens in the 2010s]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie = Person. Community. Control*, 2014, no 1, pp. 52–64. (In Russ.).
27. Ahmed E., Braithwaite V. Bullying and victimization: cause for concern for both families and schools. *Social Psychology of Education*, 2004, no. 7, pp. 35–54.
28. Beall G. 8 Key Differences between Gen Z and Millennials [Electronic resource]. Huffingtonpost, 2016. URL: https://www.huffingtonpost.com/george-beall/8-key-differences-between_b_12814200.html (Accessed 01.06.2020).
29. Blass T. Understanding Behavior in the Milgram Obedience Experiment: The Role of Personality, Situations, and Their Interactions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991. Vol. 60, no. 3, pp. 398–413.
30. Burger J.M. Replicating Milgram: Would people still obey today? *American Psychologist*, 2009. Vol. 64, no. 1, pp. 1–11.
31. Drasgow F. Polychoric and polyserial correlations. In Kotz S., Johnson N. (ed). *The Encyclopedia of Statistics*. Vol. 7. Wiley, 1986, pp. 68–74.
32. Haslam A., Reicher S.D. When prisoners take over the prison: A social psychology of resistance. *Personality and Social Psychology Review*, 2012. Vol. 16, no. 2, pp. 154–179.
33. Kleijna M., Lee N., Wetzels M. An exploration of consumer resistance to innovation and its antecedents. *Journal of Economic Psychology*, 2009, no. 30, pp. 344–357.
34. Radina N. Men's Socialization and the History of Man's life: The Reproduction of Male Culture in the Individual Narrative. *Social and Education History*, 2019. Vol. 8, no. 2, pp. 119–144.
35. Ross A. Young Europeans: A New Political Generation? [Electronic resource]. *Societies*, 2018. Vol. 70, no. 8. URL: <https://www.mdpi.com/2075-4698/8/3/70> (Accessed 16.06.2020).
36. Seemiller C., Grace M. Generation Z Goes to College. San Francisco: Jossey-Bass, 2016. 320 p.

Информация об авторах

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (Университет Лобачевского, ННГУ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Поршнев Александр Валерьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>, e-mail: aporshnev@hse.ru

Information about the authors

Nadezhda K. Radina, Doctor of Political Science, PhD in Psychology, Professor of the Department of General and Social Psychology, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Alexander V. Porshnev, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>, e-mail: aporshnev@hse.ru

Получена 09.07.2020

Received 09.07.2020

Принята в печать 12.07.2021

Accepted 12.07.2021